

¹⁹ *Ellyns C., Bochner A.P.* Introduction // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1996. V. 25. № 1. P. 3–5.

²⁰ *Hammersley M.* What's wrong with ethnography? L., N.Y., 1992. P. 33.

²¹ *Altheide D.L.* Qualitative media analysis. Qualitative research methods series. V. 38. Thousand Oaks; London; New Delhi, 1996.

²² Россияне – столичные жители. М., 1994; Русские – этносоциологические очерки. М., 1992; *Сидоренко-Стивенсон С.А.* Московские бездомные // *Человек*. 1996. № 2. С. 116–125.

²³ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996; Крестьяноведение. Теория, история, современность. Ежегодник. М., 1976.

²⁴ Множественное кейс-стади – исследование нескольких объектов с применением на каждом из них включенного наблюдения, интервью и анализа документов.

²⁵ Предприятия и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период (опыт монографических исследований 1989–1995 гг.) // *Российская политическая энциклопедия*. М., 1996. С. 6–29; *Романов П.В.* Патернализм на предприятиях России // Тез. докл. первой конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальное сознание в России: прошлое и настоящее». Самара, 4 июля 1994 г. Самара, 1994; *Романов П.В., Козина И.М., Металлина Т.А.* Металлургическое предприятие «Прокат» в период экономических реформ // *Крупные промышленные предприятия: перестройка управления и трудовых отношений (монографические исследования 1992–1995 гг.)*. Сер. «Социально-трудовые отношения». М., 1996. С. 8–40.

²⁶ *Hammersley M., Atkinson P.* Op. cit. P. 9.

P.V. Romanov, E.R. Yarskaya - Smirnova. Ethnographical Imagination in Sociological Research

The article acquaints its reader with the ethnographical approach to sociology, and demonstrates the capabilities of ethnographical methods which are utilized in studying some organization or socio-cultural features of this or that professional, age, gender or subcultural group. The concrete examples cited in the article illustrate the results of interaction between ethnography and sociology.

© 2000 г., ЭО, № 2

Н.Л. Пушкарёва

КАК ЗАСТАВИТЬ ЗАГОВОРИТЬ ПОЛ?

**(гендерная концепция как метод
анализа в истории и этнологии)**

Этнографы были первыми среди тех, кто, изучая жизнь разных народов, обнаружил значительные различия в понимании представителями этих народов социальных ролей, позиций, прав и обязанностей мужчин и женщин. Именно этнографы задолго до современных дискуссий показали, что указанные различия варьируют в разных странах, у разных этносов и обусловлены множеством факторов – как социальных, так и внесоциальных (например, географическим, климатическим, биологическим). Но не этнографы, а социологи и философы (причем среди двух последних групп преобладали женщины, явно разделяющие идеи современного феминизма) первыми предложили подвергнуть сомнению универсальность понятий «культура», «прошлое культуры» и «прошлое» вообще для всех людей без различия пола. Именно философы и социологи первыми задумались над тем, не может ли пол служить таким же инструментом социальной детерминации, как класс и этнос.

Новый взгляд на роль пола в культуре и истории стал основой своеобразной революции в гуманитарном знании, которую вполне можно назвать «невидимой»¹. Основ-

ным толчком к ней были общественно-политические и культурные процессы конца 1960-х годов в Европе: молодежные движения 1968 г., сопровождавшая их сексуальная революция, а также оживление (так называемая вторая волна) феминизма.

Взлет феминизма оказал влияние на многие сферы жизни общества, в том числе и на интеллектуальную: немало ученых избрали объектом своих изысканий женщину – в семье и на производстве, в системах права и образования, в науке и политике, в литературе и искусстве². Таким образом, итогом «бархатной революции» стало рождение новой дисциплины. За рубежом она получила наименование *women's studies* («женские исследования»), а в российском научном дискурсе стала фигурировать под именем *социальной феминологии*³.

Поскольку женщины во всех странах составляют по меньшей мере половину населения, «женская тема» (т.е. вопросы, связанные с особенностями семейного, общественно-политического и правового статуса женщин, их психологии, индивидуального и социального поведения) всегда присутствовала в исследованиях экономистов и социологов, политологов и юристов. Однако институционализация феминологии произошла лишь тогда, когда она сумела заявить о себе как о науке интегративной и показать перспективы своей междисциплинарности⁴.

Рождение исторической феминологии

Неудивительно, что в среде историков на появление нового направления в гуманитарном знании откликнулись прежде всего ученые-феминистки. С точки зрения феминистской теории, нельзя объяснить социальную действительность, не понимая механизмов воспроизводства общественного неравенства, основанного на разделении людей по полу. Феминисты считают властные отношения между мужчинами и женщинами решающими в обществе, а самые последовательные (так сказать, отъявленные феминистки!) – более важными, чем, скажем, понятие «класс»⁵. Приверженцы феминистской теории из среды философов и социологов изучают опосредованную полом социальную действительность и считают работу по выработке своих теорий *текущей* в прямом смысле этого слова⁶. Феминистки и феминисты, изучающие прошлое, ставят перед собой иную задачу: они прослеживают изменения этой опосредованной полом действительности в пространстве и во времени (т.е. с учетом географической, этнокультурной и хронологической составляющих).

Возникновение *women's studies* позволило историкам оживить «женскую тему» в изучении прошлого, придать ее исследованию новый импульс, показать, что она не сводима к «истории мужчин», которую все привыкли считать всеобщей. Изучение истории женской, как подчеркивалось уже в самых ранних работах феминологов, требует особых методов и знаний, а также особого видения. Чтобы отличить «женскую историю» от описания прошлого в общепринятом ключе, сторонницы нового направления предложили ввести новый термин в дополнение к привычному *history*, который они прочитывали как *His story*, т.е. «Его история», «история мужчины». Им должен стать неологизм *Her story*, т.е. «Ее история», «история женщины»⁷.

Мировое научное сообщество отнеслось к возникновению «женской истории» (или исторической феминологии) с известной долей скепсиса. Попытки придать неофеминистскому сознанию историческую ретроспективу, создать некие «сексуально-детерминированные» исследования вызывали у ученых-традиционалистов ироническую усмешку. Десятилетие непризнания «женской истории» предопределило возникновение духа кастовости университетских и иных научных объединений, ставивших целью изучение женской темы. К концу 1970-х годов сторонницы нового направления образовали некую евро-американскую субкультуру, что-то вроде «сестринства ученых-историков», отличительными чертами которой были частые встречи единомышленниц и оживленная переписка.

Оттолкнувшись от расхожего умозаключения о том, что женщины, как правило, имеют свой взгляд на происходящие вокруг них события и явления и свои ценности,

авторы работ по «истории женщин» довольно убедительно доказали, что это утверждение верно и для прошедших эпох. Здесь трудно обойти вниманием книгу двух американских исследовательниц – Р. Брайденталь и К. Кунз⁸, которые первыми поставили перед собой задачу «сделать видимыми» всех безвестных статисток мировой истории. Их желание заставить заговорить молчаливых свидетельниц исторических катаклизмов не осталось незамеченным участниками первых научных конференций, посвященных «женской истории»⁹.

Энтузиастки просмотрели сотни архивных дел, находя источники, проливающие свет на положение женщин в разные эпохи. Они описывали отдельные судьбы и анализировали опыт женских общностей (например, в монастырях и первых женских союзах), старались пересмотреть в свете новых данных даже то, что устоялось, казалось, навеки (например, хронологию). Все это положило начало самому настоящему перевороту в наших представлениях о прошлом¹⁰.

Восстанавливая историческую справедливость в отношении женщин, феминологи убеждали, что «безмолвными» и «незаметными» в истории женщины стали не сами по себе, а из-за их современников-мужчин. Последние в силу своей системы ценностей, где главное – карьера, самореализация в политике и военном деле, «не пускали» женщин на страницы летописей и хроник, «забывали» о них при составлении правовых кодексов, намеренно отодвигали их на второй план при создании композиций книжных миниатюр, икон и фресок.

К началу 1980-х годов число исследовательниц, увлеченных идеей изменить представления о прошлом и «вписать» в него женщин, выведя их на свет из тьмы истории, стало быстро расти. Среди сотен книг и статей, выпущенных на Западе в 1970-е – начале 1980-х годов, были и конкретно-исторические, и общетеоретические, интересующие¹¹.

Как отозвались на эти события в мировой науке российские исследователи прошлого? До начала 1980-х годов о существовании «женской истории» в СССР мало кто слышал. Классовый подход к анализу явлений был препятствием к принятию новой субдисциплины (женщины, как известно, не образуют «класса»). Но было бы большим упрощением представлять развитие женских исследований в нашей стране простым эпигонством, «гонкой за лидером», в качестве которого выступала бы западная наука.

Классики марксизма довольно определенно высказались насчет всей досоциалистической «предыстории», которой они назвали тысячелетнюю эволюцию человеческой культуры до социализма. Более того, они безапелляционно объявили, что все многовековое прошлое есть не что иное, как история «всемирно-исторического поражения женского пола». Но далеко не все советские историки согласились с этим: первые статьи и монографии, связанные с «женской темой», вышли в свет в СССР именно в 1970-е – начале 1980-х годов. Тогда же возникла небольшая группа специалистов, умевших вписывать свои разработки в контекст догматизированной исторической науки¹². Идеи, сходные с гипотезами западных феминологов, все чаще обсуждались и в России. Многие наши ученые были подобны мольеровскому Журдену: как он не подозревал, что говорит прозой, так и они вели свои исследования «женской темы», не называя их историко-феминологическими, и вырабатывали новые методы анализа, не зная, что за «железным занавесом» делают то же самое.

Немалую поддержку исследованиям «женской темы» в истории России оказали отечественные этнографы, изучавшие проблемы исторической, или традиционной, этнологии. Этнографические аспекты темы – статус женщины в семье (особенно крестьянской), предбрачная и брачная девичья обрядность, особенности материнского воспитания в системе русской традиционной педагогики, характерные черты женского досуга и развлечений (хороводы, посиделки), эволюция женского костюма и украшений – все это было довольно полно представлено в многочисленных статьях и даже специальных разделах монографий, введших в оборот новые источники¹³. Но редко кто из этнографов пытался обобщить полученные результаты, ставя задачу реконст-

рукции особого женского мира в системе традиционной культуры, поэтому этнологические исследования скорее предоставляли историкам женщин некое «обогащенное сырье», нежели закрывали образовавшуюся лакуну.

Чего достигла историческая феминология?

Историческая феминология вернула женщин истории. На Западе упомянутое «возвращение» выразилось в появлении специальных глав в разделах учебников, а также в официальном признании особой исторической специализации в университетах (подобно медиэвистике, модернистике, источниковедению, свое место там заняли и women's studies). В России же феминология институционализировалась лишь на экономических и социологических факультетах, в последнее время – на факультетах социальной работы; на исторических факультетах до этого дело не дошло. Зато марксистская основа подготовки историков способствовала появлению в России фундаментальных трудов, в которых исследовались исторически сложившиеся формы отношений господства и подчинения в патриархальных структурах (в чем они выражались, как проявлялись и воспроизводились из поколения в поколение)¹⁴.

Необычайно важным и для западной, и для отечественной науки стало признание существования в доиндустриальных обществах двух «соединяющихся сфер»¹⁵: сферы господства мужчины (политика, дипломатия, военное дело) и сферы господства женщины (дом, семья, домохозяйство), равно значимых для функционирования тогдашнего общества как целостного организма.

Историко-феминологические исследования обогатили науку работами, анализирующими условия существования женщин в «мужском обществе». В них были подняты такие темы, как домашняя работа, вынашивание и рождение детей, «история найма кормилиц» и др.

Как особое направление феминология одной из первых создала необходимое «поле для встречи» истории и этнологии. Именно в контексте «женской темы» в истории по-прежнему звучала «история повседневности» – направление исторического знания, изучающее в отличие от традиционной этнографии не просто вещи, не только материальные формы существования человека, но и (в первую очередь!) отношение людей к вещам и явлениям повседневности, социальный и семейный «облик человека», формировавшийся в зависимости от форм деятельности и самовыражения последнего.

Однако «кастовость» женских исследований с каждым годом все яснее доказывала, что дальнейшее развитие обособленной «женской истории» – это почти тупик.

Пресловутая женская интуиция (ведь большинство приверженцев «переписывания истории» с позиций женщин – сами женщины) не подвела исследовательниц: феминологи заявили о своей открытости новым теориям и концепциям. Это было попадание в «десятку»! На безграничном и действительно междисциплинарном поле «женской истории» свободно разместились сторонники разных теоретических подходов: марксисты и позитивисты, детерминисты и индетерминисты, структуралисты и «холисты» (от англ. whole – целый), неокантианцы и сторонники «новой исторической науки» (школы Анналов, инициативной группы Кремского института по изучению структур повседневности), школы семиотики и многих других¹⁶.

Но самый существенный поворот в «женских исследованиях» произошел в середине 1980-х годов, когда они «встретились» с несколькими новыми общественно-научными теориями. Эта встреча и создала такое научное направление, как гендерный анализ.

От теорий социального конструирования к гендерной концепции

Для того чтобы понять содержание очередного поворота в общественных науках, необходимо описать его истоки. У гендерного анализа как метода исследования социальных процессов таких источников и составных частей (прямо как у марксизма)

было три: теория социального конструирования американского социолога Т. Парсонса¹⁷, теория социализации Т. Парсонса и Р. Бейлса¹⁸ и теория драматургического интеракционизма И. Гоффмана¹⁹.

Теория социального конструирования – одна из главнейших достижений западной социологии 1960-х годов. Если до нее наука исходила из детерминизма биологического («Пол – это судьба», – говорил основоположник психоанализа и биологического фундаментализма З. Фрейд), то после Т. Парсонса практически во всех явлениях стали искать детерминизм социальный. Суть парсоновской концепции состояла в том, что окружающий нас мир скорее (и в большей степени) «сконструирован» и структурирован людьми, нежели предопределен природой (отсюда иное наименование парсоновской концепции – структурный фундаментализм). Вместе с понятием «социальная структура» (иначе говоря, «параметры общества в целом») в общественных науках появилось тогда и понятие «социальные роли».

Вторая важнейшая концепция – теория социализации Т. Парсонса и Р. Бейлса – была значима именно тем, что ее авторы призвали исследователей проанализировать, как усваиваются общественные (в том числе половые) роли и как индивид «обучается» им через механизмы поощрения и наказания.

Наконец, теория интеракционизма И. Гоффмана поставила ученых перед необходимостью анализа источников и результатов всех социальных взаимодействий (англ. interaction – взаимодействие). И. Гоффман придал новый смысл понятию идентичности (самосознания) и ввел в общественные науки понятия агентов и институтов социализации, проблему «значимых других» и пр.²⁰

Появление этих трех концепций сторонники феминизма восприняли с энтузиазмом и многое из них позаимствовали. Идея социального детерминизма позволила им опровергнуть то, что диктовалось, казалось бы, здравым смыслом: «все в мире делится на мужское и женское». Назвав тех, кто считал пол человека его судьбой, эссенциалистами (от англ. essential – обязательно существующий, неизменный) и призвав разрушить «принцип Ноева ковчега» (т.е. отказаться от видения мира, разделенного на пары), социальные конструктивистки стали увлеченно доказывать, что статус женщины (как и мужчины!) не «дается», а «приобретается». Кажущееся естественным различие между мужским и женским не имеет биологического происхождения, заявили они. Лучше всего эту концепцию выражает знаменитый тезис Симоны де Бовуар: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся».

Пол в новой системе идей оказался лишь «способом интерпретации биологического, закрепленным писаными и неписаными законами общества»²¹. Набор соглашений, с помощью которых общество трансформирует биологическое в социальное, получил в работах философов-феминисток (А. Рич, Р. Унгер, Г. Рабин) наименование *гендер*. О том, откуда появился этот термин, в каком контексте употреблялся и как был привнесен в систему знаний о прошлом, мы уже писали²². Дословно термин gender переводится как «род» в лингвистическом смысле слова (род имени существительного). С конца 1970-х годов это понятие стало применяться более широко. Некоторые и по сей день видят в гендере некий *мыслительный конструкт*, т.е. научную дефиницию, определяющую социально-культурные функции пола и позволяющую отличать эти функции от функций биологических (равно как от биологического пола, именуемого в английском языке sex). Те же, кто видит в гендере *конструкт социальный*²³, определяют его как реально (а не только мыслительно) существующую *систему межличностного взаимодействия, посредством которого создается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как категориях социального порядка*²⁴. Попросту говоря, *гендер – это социальные проявления пола*, или, еще проще, «социальный пол».

Гендер – это системная характеристика социального порядка. От нее нельзя избавиться или отказаться²⁵ – она постоянно воспроизводится в структурах сознания, действия и взаимодействия. Поэтому главный вопрос гендерной методологии – это выяснение *ресурсов создания гендера*. Какие средства способствуют сознательному и бессознательному определению места индивида в обществе и, быть может, получению от этого преимуществ?

Для того чтобы выяснить, как создается «мужское» и «женское» во взаимодействии, принимая вид чего-то естественного и якобы всегда присущего индивиду, группе, социуму, имеющуюся информацию обычно структурируют не менее чем по трем группам характеристик: *полоролевые* (или, следовательно, гендерные) *стереотипы*, *половоролевые нормы* и *половое самосознание* (идентичность)²⁶. Все это «конструируется» обществом. Если можно, полагали сторонницы новой концепции, выяснить, каким образом создаются (конструируются) гендерные отношения в данном обществе, значит, их можно и *деконструировать* и построить по-новому. В этом тезисе – ответ на вопрос, «зачем он нужен, этот гендер».

Развивая теорию социализаций, гендеристики доказали, что индивид может не только усваивать (интериоризировать, «делать своими») существующие нормы, но и разрушать их. Они же неизменно подчеркивали, что исполнение предписанных и усвоенных ролей всегда подразумевает неравенство возможностей – преимущества мужчины в публичной сфере и вытеснение женщины в сферу домашней жизни, которая считалась и считается менее престижной и значимой.

Что же касается построений И. Гоффмана и его предшественников (прежде всего этнометодолога Г. Гарфинкеля²⁷), то феминистки дополнили их теорию интеракционизма, выработав концепцию *категоризации* (или приписывания) *по признаку пола*. Биологический пол, согласно этой теории, – только предпосылка, «подсказка» при приписывании человека к «мужчинам» или «женщинам». Сама же категоризация, а именно «приписывание» к определенному полу через внешние знаки (маркеры) и показатели (корреляты), к которым относятся одежда, прическа, украшения, особенности поведения и пр., – это основа повседневного взаимодействия, некий неосознанный фон при общении во всех социальных сферах.

Вместе с теорией «приписывания» в научный обиход вошло понятие «гендерного конфликта» (*gender trouble*) – ситуации, когда «приписывание» затруднено из-за отсутствия маркеров и коррелятов. Скажем, ранее универсальными коррелятами считались голос и почерк. Однако не только феминистки могут усомниться в этом. Какие маркеры и корреляты соответствуют определенным культурам и эпохам, что переживает человек в условиях гендерного конфликта (например, в отечественной истории знаменитая «кавалерист-девица» начала XIX в. Надежда Дурова)? Все это вопросы, задаваемые социальными конструктивистками.

Каждый человек ежеминутно участвует в некоем спектакле представления пола, причем делает это так, что игра кажется ему частью его самого, внутренне присущей и отражающей его «я». Но каковы доказательства того, что весь этот «маскарад» и многообразие жестов, мимических игр, материально-вещного «оснащения» (одежда, украшения) не есть продолжение анатомии человека? Ответ прост: проявления гендера (стереотипы, нормы, идентичность) не универсальны, они культурно обусловлены. Разные широты, разное течение политической истории, разные расы и социальные группы обнаруживают разные традиции «приписывания по полу» и разные властные практики отношений между полами. Обобщающим термином для обозначения тех или иных проявлений половой принадлежности служит дефиниция *гендерного дисплея* (англ. *display* – проявление).

Основа гендерного дисплея – индивидуальная модель уместного в данной ситуации поведения (у И. Гоффмана это *формальный конвенциональный акт*). Каждый поступок человека, как мужчины, так и женщины, – это некое «утверждение» своей при-

надлежности к данному полу, и на каждый из них ожидания соответственная (данному обществу, культуре, эпохе) реакция. Где бы мы ни находились, каким бы смешанным, с точки зрения пола (несегрегированным), ни было наше общество или сообщество, оно всегда «гендерно окрашенное». Вычленив это подразумевающееся, кажущееся естественным гендерное отношение – еще одна задача (и загадка!) для исследователя (социолога, психолога и историка).

Феминистки считают: аналитик должен иметь в виду, что гендерный дисплей старается замаскировать отношения власти под невинные «различия» (якобы природно обусловленные). Для конструирования власти в отношениях между полами ключевой момент – это соотношение приватной и публичной сфер. Именно поэтому изучение того, как функционируют «маскулинность» и «феминность» в данном социальном и историческом контексте, может прояснить вопрос о последствиях смены социальных ролей. В чем состоит «маскировка» властных отношений в разных обществах и сообществах, – повод для раздумий, и здесь тоже присутствует некая историческая «интрига».

Наконец, еще одна загадка конструирования гендера – вопрос о том, в каком возрасте и как происходит рекрутирование (термин И. Гоффмана) гендерного самосознания, иными словами, как и когда мы начинаем ощущать свою половую принадлежность и вытекающие из нее права и обязанности как «естественные» и, как это принято считать в традиционной науке, «взаимодополняющие». Традиционная теория социализации настаивает на существовании социально-половых ролей, гендерная резко критикует ее, видя в «привычности» и «принятости» традиционного распределения ролей («якобы взаимодополнительных») механизм подавления слабых индивидов²⁸.

Гендерная концепция и историческое знание 1980-х годов: от «исторической феминологии» к «гендерной истории» и гендерной экспертизе в этнологии

В начале 1980-х годов гендерная концепция, отвоевав свое место под солнцем в социологии, «встретилась» с «женскими исследованиями» в истории. Результат этой встречи лучше всего иллюстрирует статья Дж. Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа»²⁹. Эта американская исследовательница, блистательный педагог и популяризатор, доказала, что гендерная концепция позволяет анализировать общество, применяя и системно-структурные, и социокультурные и индивидуально-личностные характеристики. Она же предложила – применительно к историческим исследованиям! – видеть в гендере четыре группы «подсистем»: комплекс символов и образов, характеризующих «мужчину» и «женщину» в культуре; комплекс норм – религиозных, педагогических, научных, правовых, политических; социальные институты, которые формируют гендер (семья, система родства, домохозяйство, рынок рабочей силы, система образования, государственное устройство); проблему самовыражения, субъективного самовосприятия и самоосознания личности, т.е. проблему половой идентичности.

Публикации Дж. Скотт способствовали преодолению раскола между традиционной («мужской») и новой («женской») историей. Коллеги Дж. Скотт в разных странах согласились с тем, что гендерный подход или, точнее, учет гендерного фактора необходим при любых социальных исследованиях, а исследование прошлого – непаханое поле для таких штудий. Так что перед историками-феминологами встали новые задачи.

Однако к тому, чтобы сделать «крутой вираж» и начать применять предложенные подходы и методы (к тому же выработанные пограничной, но все же «не своей» наукой – социологией), оказались готовы далеко не все историки. Чтобы не выглядеть ретроgrадами и «осовременить» заголовки своих исследований, многие из них, разрабатывая терминологическую тематику, стали именовать ее «гендерной». Справедливости ради отметим, что некоторые аспекты социальных (а именно гендерных)

взаимодействий все же находили отражение в исследованиях. Их авторы пытались, например, сравнить отношение мужчин и женщин к одному и тому же вопросу (скажем, к возрасту вступления в брак или к повторной женитьбе/замужеству со вдовыми)³⁰. Однако до разгадывания загадок конструирования гендера в разные эпохи дело доходило очень редко.

В известной степени это можно объяснить особенностями источниковой базы: например, сколько ни спорили специалисты по истории семьи о том, какая из тенденций превалировала в средневековье – патриархальной тираннии или нежной любви и взаимопонимания между супругами, к общему мнению прийти им так и не удалось. Исследователи находили факты как «за», так и «против» обоих предположений, формальное же преобладание той или иной информации, как выяснилось, не может служить бесспорным доказательством данных предположений³¹.

Подчас теоретики гендерных отношений ставили в своих работах четкие задачи перед историками, например, проанализировать трансформации гендерных взаимодействий в эпоху генезиса капитализма³². Но ответ на поставленный вопрос увел ученых в обычные историко-феминологические штудии о женской занятости и женском труде, его несправедливой оплате и пр. В редких работах по истории контроля над собственностью анализировался идеологический фактор, например, такое понятие, как «цеховое единство» и связанное с ним понятие «мужская солидарность» (в результате женщины были вытеснены из цехового производства в раннее Новое время)³³. Не меньшей удачей (при почти полном отсутствии исследований по юридическому аспекту гендерной идеологии) следует признать работы, в которых анализировалось понятие «честь». Для женщин оно имело всецело гендерное звучание, а для мужчин определялось как храбрость, верность, добросовестность, профессиональное мастерство³⁴.

В конце 1980-х годов почти не встречались работы, авторы которых раскрывали бы свою исследовательскую «кухню», а именно разъясняли сущность гендерного анализа, примененного в их исторических трудах³⁵. Правда, к началу 1990-х годов положение изменилось. В системе гуманитарного знания произошла очередная смена парадигм: социальный конструктивизм оказался окончательно побежден постструктурализмом.

Ж. Деррида: «Деконструкция – всего лишь подготовительная работа для новых открытий». От пола к «поли-»

Пожалуй, основным изменением, связанным с новым представлением о реальности (в том числе реальности прошедшей или утраченной), которое вызвало новый переворот в системе идей, был отказ от механистического (конструктивистского) видения мира. На смену ему пришел принцип тонкой взаимоважной связанности, которую нельзя упростить до схемы. Конструкция под названием «социальная структура» требовала умения обобщить, увидеть тождественное и тем самым превращалась в сеть со слишком крупными ячейками. Жизнь отдельного человека не «схватывалась», а как бы «просачивалась» сквозь нее. Поэтому вместо идеи обобщения и тождества постструктурализм поставил во главу угла идею *различия и множественности*, проблему неструктурного в структуре, казуального, нетипичного и единичного³⁶.

Неудивительно, что «уравнение в правах» всех концепций (лозунг постмодерна: «признание другого») послужило поводом к оживлению в последнее десятилетие XX в. некоторых ранее незаслуженно принижаемых методов научного поиска (например, конкретно-проблемных, основанных на скрупулезном внимании к частным и мелким историческим фактам событийной микроистории³⁷, или, скажем, метода контрфактического или альтернативного моделирования). Сейчас они, можно сказать, «в фаворе» и используются наравне с абстрагированием, идеализацией, сравнением, типологизацией, квантификацией (измерением) и другими привычными общенаучными методами³⁸, в том числе с самыми новейшими.

Для того чтобы описать последние, стоит представить, что в течение почти века реальность как бы уподоблялась «дому» (К. Маркс) или некой «конструкции из куби-

ков» (Т. Парсонс). Теперь же ее, пожалуй, лучше уподобить живому существу, которое нельзя лишить Души и Тайны³⁹. Споры о том, познаваемы ли последние (а, следовательно, настоящее и прошлое) зазвучали с новой силой, не меньшей, чем в прошлые столетия.

Желание приблизиться к пониманию «невыразимого» в механизме развития общества привело к тому, что в области научного анализа появились новые проблемы и понятия. Во-первых, внимание всех теоретиков оказалось обращенным к главному инструменту гуманитария – языку, в связи с чем нынешний переворот в системе гуманитарного знания именуют «лингвистическим поворотом». Во-вторых, в современных гуманитарных науках родилось понятие *практик речевого поведения* (употребления), или *дискурсов* (от лат. *discursus* – рассуждение и фр. *coûrir* – бежать, т.е. термин отражает множественность форм речевого поведения). В-третьих, важнейшее понятие современного гуманитарного знания, которое, как и первые два, введено французскими философами, – это понятие *внеязыковых* (недискурсивных) *реальностей*. К ним относят *тело, действие и власть*. Эти понятия стали решающими для современных философских концепций, в том числе феминистских.

Знаковых фигур в современной постструктурализме несколько, и все они связаны с Францией. Это психоаналитик Ж. Лакан (1901–1981), первым поставивший проблему «языка бессознательного» и определивший пол как «маскарад» практик и знаков, культуролог и мыслитель М. Фуко (1926–1984), прославившийся рядом новых концепций, в том числе концепцией власти, и введший в науку понятие «дискурс», и наконец, ныне здравствующий философ Ж. Деррида (р. 1930) – автор теории деконструкции и феномена «инаковости» («другости») в культурологии.

Именно этим ученым и их последователям принадлежит честь открытия *проблемы языка как означающего механизма* и перечисленных выше *внеязыковых реальностей*, хотя, разумеется, и до них многие понимали, что «все лучшее в жизни, от секса до заката, трудно выразить словами» (С. Цвейг). Но именно эти философы сформулировали проблему необходимости разгадки невыразимого – выявления символов его, выстраивания их системы и системы их проявлений (отсюда – расхожее наименование их концепций – «символический фундаментализм»).

Для того чтобы тот или иной статус человека (в том числе половой) стал очевидным, как полагал М. Фуко, нужна *система знаков как средств самовыражения*. Она и формирует дискурс. Философы-феминистки продолжили эту мысль: язык и власть взаимосвязаны, а социальный дискурс, всегда, по сути, «гендерно пораженный»⁴⁰, создает и воспроизводит дискриминацию женщин⁴¹.

Как преодолеть эту дискриминацию? Местом возможного обретения женщиной себя всегда было и остается, считают феминистки, *женское письмо* (*l'écriture féminine*). Данное понятие ввели ученицы М. Фуко Х. Сиксу и Л. Ирригарэй. Отрицая возможность создания полностью «объективного» текста, феминологи призывают признать, что любое исследование – всегда заинтересованное, субъективное и политизированное и что изучать следует (раз от нее нельзя избавиться) как раз «субъективность».

Как известно, через язык женщина была «изгнана» из текстов (в том числе исторических). Через обретение своего языка она только и может туда вернуться, как считают они, ибо в создании текста проявляется нечто находящееся вне его автора и помимо его сознательных устремлений. Создатель текста на определенном этапе перестает быть автором (отсюда знаменитое утверждение постмодернистов о «смерти автора» в источнике и парадоксальный в этом контексте призыв: «Что же вы не пишете? Пишите себя!»⁴²). Ибо в процессе писания автор (и в первую очередь – женщина) сам «творится» текстом, обнаруживает себя или, как говорят психологи, – «проецируется». Таким образом, изучая женское письмо, мы тем самым можем изучать и читаемое «на поверхности», и подразумеваемое (порой невольно) автором, и даже самих себя.

В связи с этим в последнее время одним из наиболее популярных предметов научного рассмотрения стала биография (у социологов) и автобиография (у психологов, педагогов), а в феминологии женские эгодокументы и женские рассказы о тех или иных переживаниях событий и «состояний женского тела». Причем такие состояния мужчинам либо не близки (лишение девственности, замужество, беременность, менструации, роды), либо непопулярны в мужском дискурсе (зависть, страх, боль)⁴³. Через обращение к таким типам источников идет поиск новых технологий «раскалывания» в тексте индивидуальной (и прежде всего – женской) аутентичности.

Феминологи 1990-х годов настаивают на том, что должно быть исследовано подлинное женское «я», а не только его отражение в действующей культуре. Это подлинное «я» нуждается в сопоставлении с представлениями (выраженными в книгах, фильмах, средствах массовой информации и т.п.) о тех чувствах и ощущениях, которые *якобы должна* испытывать в те или иные жизненные моменты женщина. В связи с таким подходом к текстам, созданным женщинами, американская философ-феминистка, активная постструктуралистка и деконструктивистка Дж. Батлер предложила новое определение пола: «Пол – это репрезентация», т.е. отображение образа жизни, который демонстрируется окружающим⁴⁴. Легко понять, что гендерная концепция (стереотипы, нормы, идентичность) как раз и позволила историкам поставить вопрос о том, как репрезентировалась принадлежность к тому или иному полу в разные эпохи, причем репрезентировалась не только в языке, но и в недискурсивных практиках.

Помимо языка огромное исследовательское поле для гендеристов и историков-феминологов – изучение скрытых за языком *стратегий власти*. Основы здесь опять же заложил М. Фуко, который выступил с теорией «власти говорящего». Он показал, что современная наука сделала видимыми различные типы и виды властных отношений, не сводимых к вопросу о простом участии (или неучастии) женщин в функционировании политических структур. «Власть – это не некий институт, не некая сила, которой кто-то был наделен, – полагал М. Фуко. – Власть – это имя, которым называют стратегическую ситуацию в данном обществе»⁴⁵. Философы-феминистки продолжили эту мысль, доказав, что эффективнее всего воздействие власти именно на микроуровне (власти, «вездесущей не потому, что она охватывает все, но потому, что она исходит отовсюду», в том числе от нас самих, как считал М. Фуко). На микроуровне власть не замечается, не переживается нами и предстает как некое «определенное природой» господство. Исторически поведение женщин всегда контролировалось больше, чем поведение мужчин (от контроля за сексуальностью до политических и гражданских прав), поэтому история принуждения женщин (дабы они следовали тем или иным культурным нормам) – это особая страница истории насилия.

Подводя итоги размышлениям современных философов о проблемах пола, можно отметить, что на рубеже тысячелетий большинство ученых пришло к признанию полицентричности окружающего мира, плюральности типов мышления, множественности методов и подходов, с помощью которых можно познавать и прошлое, и настоящее.

Гендерный аспект в исторических исследованиях 1990-х годов: проблемы и перспективы

Теории деконструктивистов (о них говорят и как о постмодернистах, когда именуют модернизмом теории социального конструирования 1970–1980-х годов) сыграли большую роль в определении проблематики исторических исследований последних лет. Среди ученых разных возрастов было немало феминологов и сторонников гендерной концепции, которые отдали много сил изучению «человеческой составляющей» социальных процессов. Историческая наука все чаще заявляла о том, что меняет предмет своего изучения.

Вместо «структур большой длительности» стали изучаться конкретные судьбы конкретных людей на ограниченном временном отрезке; вместо историко-демографи-

ческих штудий, напичканных цифрами и графиками, появились историко-литературные эссе, авторы которых размышляют о том, какое воздействие способен оказать индивид на ход истории.

Утилитарный подход к источникам личного происхождения, из которых ранее брались лишь общезначимые факты социально-политической истории, сменил «биографический метод», где во главу угла оказалась поставлена реконструкция одной или нескольких судеб и влияние на них социально-экономических и политических катаклизмов. «Лингвистический поворот», о котором говорилось выше, заставил историков искать в источниках не «затекстовую» реальность, а «внутритекстовую» единичность словоупотребления, характерную для данного человека или социальной группы, к которой он или она принадлежали⁴⁶.

Изменилась и «гендерная история». Ее перестали именовать «историей женщин», или, точнее, «историей подавления женщин». В 1990-е годы как ответ на существование «женской истории» появилась «история мужчин и мужественности», испытывавшая, как ни странно, те же трудности признания и тот же скептицизм, что и историческая феминология. Рождению «истории мужчин», или исторической андрологии немало способствовал резко возросший интерес к проблемам мужественности в мировой социологии⁴⁷, которым отмечено все текущее десятилетие. Вероятно, не без влияния этих витавших в воздухе идей и среди новейших исторических трудов появились «истории отцовства», «истории мужской чести», «истории понятия мужественности»⁴⁸. Так или иначе, рождение самостоятельной «истории мужчин» стало первым шагом к появлению действительно *гендерной истории* – *истории взаимоотношений полов*.

В этом смысле в российском историческом дискурсе гендерная история еще только добивается признания и институционализации⁴⁹. И западные исследования по гендерной истории, равно как описания некоторых исследовательских методик, позаимствованных из иных (сопредельных истории гуманитарных наук), могут оказаться очень полезными – и не только феминологу и гендеристу.

Пытаясь очертить круг тем, порожденных интересом к гендерным отношениям в различные эпохи, и оценивая «исследовательские поля», где поставленные задачи были реализованы наилучшим образом, трудно обойти вниманием работы по так называемым новой интеллектуальной и новой культурной истории. Делая шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, анализировавшими процесс того, как «мужская идеология» влияла на нормативные акты средневековья, а также с теми, кто поднял вопрос о возникновении идеологии феминизма в начале Нового времени⁵⁰, гендеристы нового поколения ставят задачу изучения не столько проявлений, сколько *механизмов* воспроизводства «гендерно пораженной» идеологии. Этнологу в данном контексте интересны этнические и конфессиональные доминанты этого процесса.

Таким образом, перед исследователями стоит задача признания эссенциалистским тезиса о комплиментарности (взаимодополнительности) полов, который имеется в большинстве работ, написанных в «традиционном» духе. Гендеристы же призывают изучить не только мужское «подавление» и женскую «борьбу» (против дискриминации, унижений, деприваций), но и формы признания и согласия женщин со своим якобы «природоопределенным» статусом⁵¹, их подсознательную «помощь» в воспроизводстве поведенческих моделей и соответствующих структур господства.

Выше уже говорилось о лингвистическом повороте и связанных с ним возможных направлениях анализа исторических текстов. Изучение лингвистических процессов переходных эпох, возникновение новых понятий и их меняющееся содержание – все это наиболее перспективные направления научного поиска при исследовании социальных и психологических процессов. Феминологи и гендеристы систематизировали устоявшиеся образы женщин идеальных и противоположных идеалу, как их видели по преимуществу мужчины (так, исследование французской гендеристки С. Матью Греко имеет заглавие «Ангел или дьяволица?»)⁵². Вместе с тем еще не проделана работа по созданию аналогичных «трудов наоборот», в которых женщинами давался бы образ

мужчины. Можно предположить, как много информации об обществе выявило бы подобное исследование.

Помимо задачи сопоставления мужской и женской систем ценностей и рассмотрения их непохожести (вероятно, идеал женщины у женщин был всегда иным, чем у мужчин) стоит обратить внимание на удачный опыт привлечения гендеристами для подобных штудий не только значимых литературно-художественных произведений, но и малоинтересных истинному ценителю слова любительских и «шаблонных» текстов. Однако именно в последних зафиксированы характерные для данного времени способы понимания мира, обыденные понятия, некие общие «фреймы»⁵³ опыта, без которых трудно «вчувствоваться» в жизнь других людей, к тому же живших задолго до нас.

В связи с обнаружением гендеристками «множественности полов» (мужчины, женщины, биологические мужчины, считающие себя женщинами, бисексуалы, трансвеститы и т.д.) и поставленной исследовательницами задачей выявления тех, «кого не замечают», возникла проблема анализа *маргинальных социальных групп* во всех обществах, гендерного аспекта их статуса⁵⁴. Причем именно этнология может помочь в выработке современных механизмов толерантности по отношению к маргиналам.

Аналогичным образом появились и темы, связанные, с одной стороны, с «историей частной жизни» индивидов⁵⁵, а с другой – с «непосредственно женским опытом» (как это обычно именуется в социологии феминизма), т.е. изучения *страдания, деприваций, унижений*, причем не обязательно в гендерном аспекте (о том, что перечисленные понятия более связаны с женским опытом, нежели с мужским, где главенствуют успех и удача, написаны десятки работ современных психологов-феминисток). Любопытно, что многие гендеристки подчеркивают, что исследование о депривациях, написанное женщиной, будет глубже и более проблемно, чем написанное мужчиной, потому что «знания угнетенного точнее и глубже знания угнетающего»⁵⁶.

По-новому в гендеристском дискурсе зазвучала и история сексуальности. Вслед за Ж. Лаканом, возведшим Желание (и связанное с ним Воображение) в основной мотивационный принцип человеческой жизни, историки и литературоведы стали наперебой анализировать *борьбу дискурсов* мужчин и женщин как проявление и сокрытие желаний⁵⁷. Вне сомнения, подобным образом – через *историю интенций* (побуждений) – может быть раскрыта практически любая тема, в том числе по социально-экономической и тем более по социальной истории.

Последняя тоже, кстати сказать, значительно изменилась под влиянием новейших теоретических построений постмодернистов. И гендерный аспект анализ некоторых социальных деконструкций не просто «добавил» женский пол в описание общественных процессов. Используя методики психологов и социологов, историки стали создавать совершенно иные по глубине и характеру исследования.

Многие увлеклись, как уже говорилось, микроанализом, потому что он позволял достичь желаемой глубины скорее, чем «пилотажные» построения глобальных процессов. Он же, как никакой другой анализ, позволял не упустить из виду «маскарад» гендерных проявлений. Другие историки, все еще чувствовавшие вкус к пространным схемам, изменили их основания. Так, скажем, вслед за французским социологом-деконструктивистом П. Бурдьё, введшим в науку понятие *символический капитал* (престиж, честь, доброе имя)⁵⁸, историки-феминологи⁵⁹ и гендеристы⁶⁰ успешно показали, что тело и сексуальность (и мужчины, и женщины) может быть элементом указанного символического капитала, может являться «особым языком» (как на том настаивал М. Фуко). Справедливости ради следует сказать, что этнографы – особенно те, кто изучал неевропейские культуры, – работали и работают в этом направлении уже не одно десятилетие. Новым было обращение к «языку тела» именно в европейских культурах (а применительно к культурам восточнославянских народов тема эта вообще так и остается нетронутой).

Благодаря исследователям, показавшим возможности гендерного анализа «феномена признания» (в том смысле, в каком его понимал М. Фуко⁶¹), в историческую и философскую научную литературу был введено понятие женской субъективности как

«чудовища признания». Традиционные культурные стратегии вынуждали женщину к явно демонстративному признанию (процессы ведьм)⁶² и изоциренному, латентному насилию через воспитание, заставляя «выговаривать подсознательное», все то, что наполняло содержанием женские «душу», «сознание», «я». *Анализ механизмов «признания»* и готовности говорить о себе (как они представлены в мужских и женских дискурсах) – еще одна тема современных специалистов по гендерной истории. И главное подспорье для них в этом – дневники, письма, мемуары.

При смещении центра изучения эгодокументов в сторону анализа влияния социальных катаклизмов на жизнь человека вновь с особой силой зазвучал вопрос о том, какова степень индивидуальной независимости человека от требований общества и обязательств перед ним? Эта проблема была поставлена одним из классиков историко-эмпирической социологии (и одним из отцов современной конфликтологии) Б. Муром 15 лет назад⁶³, а гендеристы 1990-х годов обусловили поиск адекватного ответа на него за счет усложнения объекта исследования: это, как правило, кто-то из «униженных и оскорбленных», т.е. депривированная личность – женщина, ребенок, гомосексуалист и т.п. В данном смысле показательно блистательное исследование Н.З. Дэвис о трех бесправных женщинах, живших в раннее Новое время. Пролог к этой книге представлен в форме обращения к своим героиням. Он заключается парадоксальными (на первый взгляд) словами: «Меня интересовало то, какие *преимущества* давала вам ваша маргинальность...»⁶⁴. Подобный поворот исследования – также из дискурса современных приверженцев гендерной истории.

О ней, как мы видим, можно говорить почти бесконечно – столь широки ее возможности. В известной степени речь идет не о реконструкции какой-то части или страницы общечеловеческого прошлого (такое понятие применимо к «рабочей истории», «городской истории», «истории детства» и т.п.), а о действительно глубоком и многостороннем видении жизни ушедших эпох. Оно стало возможным благодаря феминологам и гендеристам – философам, социологам, историкам и психологам. Они «открыли» гендер, поставили вопрос о том, как гендерные «верования» исследователя преломляют его взгляд на мир, обнаружили женский опыт как особый источник знания и обнародовали гендерно-чувствительные методики, позволившие углубить научный поиск. В этом их непреходящая теоретическая ценность.

Вместе с тем гендерный подход имеет, как о том принято говорить в российском научном дискурсе, и «практическую значимость». Не секрет, что феминологи и гендеристы, деконструируя имеющееся знание (из которого женщины были исключены), своей «женской тематикой» привлекли к научной работе множество женщин. Не без их участия они ввели в научный дискурс понятие «женский опыт», который гендеристы предлагают постоянно сопоставлять с мужским опытом, стараясь понять, как оба они воспроизводятся. Полученные знания имеют непосредственное отношение к процессу социальных изменений. Они – не «наука ради науки». В приобретаемом знании заложена гигантская сила индивидуального освобождения женщин любой этнической принадлежности, роста сознания и изменения самооценки.

Примечания

¹ О «невидимой» революции см.: *Пушкарёва Н.Л.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996. С. 5; *её же.* Гендерный подход в исторических исследованиях // *Вопр. истории.* 1998. № 6.

² *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 153.

³ Группа российских ученых из г. Иваново, создавших один из первых феминологических центров, в подготовленном ими учебнике так определяет содержание указанной научной дисциплины: «Социальная феминология – это междисциплинарная отрасль научного знания, которая изучает совокупность проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе, эволюцию её социального статуса и функциональных ролей» (см.: *Социальная феминология.* Иваново, 1998. С. 4).

⁴ См., напр.: *Социальная феминология.* Межвузовский сборник научных статей. Самара, 1997. Хотелось бы обратить внимание на то, что носителями нового знания и пропагандистами новой дисциплины в нашей стране стали не столичные, а провинциальные ученые.

⁵ Хольмберг К., Линдхольм М. Феминистская теория // Современная западная социология. СПб., 1992. С. 239; Теория и история феминизма. Харьков, 1996. С. 8.

⁶ Хольмберг К., Линдхольм М. Указ. раб. С. 228.

⁷ Davin A. Redressing the Balance or Transforming the Art? The British Experience // Rewriting Women's History. Berg, 1988.

⁸ Becoming Visible: Women in European History. Boston, 1977.

⁹ История «женских конференций», сопровождавшихся бурными дискуссиями, а впоследствии – созданием новых научных центров и школ, была начата в 1973 г. в Жюсью (Франция), где состоялась первая конференция на тему «Есть ли у женщин своя история?». В 1977 г. в Пуатье (Франция) прошла научная встреча медиевистов, обсуждавших особенности «истории женщин» в средние века, а в 1979 г. в Париже – Международный круглый стол на тему «Историческая демография и женщины». О последующих научных форумах, посвященных женской истории, см.: Пушкарева Н.Л. Гендерный подход... С. 193.

¹⁰ Beard M.R. Women as a Force in History. N.Y., 1971; Whyte M.K. The Status of Women in Pre-Industrial Societies. Princeton, 1978; Ryley D. Am I That Name? Feminism and the Category of «Women» in History. L., 1988; Scott J.W. The Problem of Invisibility. Berg, 1988. P. 5–30.

¹¹ См.: Women in Western European History. V. 1–3. L., 1982.

¹² Зырянова И.В. Женский вопрос в революционно-демократической публицистике (на материалах журнала «Современник»). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985; Воронина О.А. Женщина в мужском обществе // Социологические исследования. 1988. № 2; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Феминизм: Восток, Запад. Сб. статей. М., 1993. С. 9.

¹³ Бернштам Т.А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 48–71; Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3; его же. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984; Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М., 1984; Зверев В.А. Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Новосибирск, 1985. С. 114–122; Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. Библиографию исследований о женской одежде см.: Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. С. 194–195.

Благодаря этнографам, преимущественно – сибиреведам, оказались проанализированными семейный быт и имущественно-правовой статус крестьянок XVIII столетия, особенности распределения семейных ролей и имущества между старшими и младшими женщинами в многопоколенной и сложной по составу семье. Описывая календарные и религиозные праздники, обряды, традиционные игры русских крестьян, этнографы не могли обойти вниманием роль и участие в них женщин, особенности их жизненного цикла и зависимость его стадий от возрастной и социально-семейной стратификации (девица, замужняя, вдова, «соломенная вдова» и т.п.). См., напр.: Мамсик Т.С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1985; Миненко Н.А. Старик в русской крестьянской общине Западной Сибири // Там же; ее же. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1989; Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988; Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Вельдьякина Л.И. Женщина и нравственный мир русской крестьянской общины // Социальные трансформации и положение женщин в России. Иваново, 1995. С. 189–195; Милоголова И.М. Семья и семейный быт пореформенной деревни 1861–1900 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Громыко М.М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989; Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994. Однако в этих исследованиях не ставились вопросы собственно «женской истории»: причины неполноправия, толкование необычного (девиантного) поведения.

¹⁴ Пушкарева Н.Л. Имущественные права женщин в Русском государстве X–XV вв. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986; Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60 гг. XIX в. Л., 1984; Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991.

¹⁵ Connecting Spheres. Women in the Western World. 1500 to the Present. New York; Oxford, 1987.

¹⁶ См.: Пушкарева Н.Л. Гендерный подход...

¹⁷ Parsons T. Social Structure and Personality. L., 1970. См. также русские переводы работ сторонников теории социального конструирования, написанных в начале 1960-х годов: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995; Мангейм К. Идеология и утопия. М., 1994.

¹⁸ Parsons T., Bales R.F. Family, Socialization and Interaction Process. N.Y., 1955. P. 6.

¹⁹ Goffman E. «Gender Display» // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1976. № 3. P. 69–77; *idem*. The Arrangement Between Sexes // Theory and Society. 1977. № 4. P. 301–331.

²⁰ К числу агентов (институтов) социализации относят обычно семью, школу, группы сверстников, «значимых других» (соседей, друзей родителей и т.п.), средства массовой информации и пр. В центре теории

социализации – процесс научения и принятия культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социум. Научение в этом случае выступает как процесс подражательного свойства и предполагает усвоение и воспроизведение существующего.

²¹ *Tuttle L.* Encyclopedia of Feminism. Ann Arbor, 1986. P. 305.

²² *Пушкарёва Н.Л.* Гендерный подход...

²³ Вначале – в 1970-е годы – принято было считать биологический пол «приписанным» статусом, а социальный пол, или гендер – «достижимым». Вместе с тем существование гомосексуалистов, транссексуалов и главное – изменившийся дискурс о них привели феминистских авторов к выводу, что не только роли, но и принадлежность по полу *всегда* приписывается индивиду в процессе взаимодействия. Это-то и обосновывает тезис о том, что пол – также социальный конструкт.

²⁴ *Уэст К., Циммерман Д.* Создание гендера / Пер. Е.А. Здравомысловой // Тр. Санкт-Петербургского филиала Ин-та социологии РАН. Гендерные тетради. Вып. 1. СПб., 1997. С. 97–98.

²⁵ Для иллюстрации хотелось бы напомнить миф о смерти Геракла. Герой надевает плащ кентавра Неса, пропитанный ядом. Яд проникает в тело Геракла, пытающегося в ужасных мучениях сорвать с себя плащ. Напрасно! Его можно сорвать только с кожей. Гендер напоминает плащ Неса – избавиться от него очень сложно.

²⁶ *The Social Construction of Gender.* Cambridge, 1991.

²⁷ *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. New Jersey, 1967.

²⁸ Это блистательно проиллюстрировал И. Гоффман: «Утомленный мужчина в условиях современного капитализма всегда и везде найдет женщину, осуществляющую заботу и обеспечивающую уход – женщину, которая служит "обслуживающим персоналом" по призванию».

²⁹ *Scott J.* Gender: a Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Rev.* 1986. V. 91. № 5. P. 1053–1075.

³⁰ См., напр.: *Todd B.* The Remarrying Widow: a Stereotype Reconsidered // *Women in English Society 1500–1800.* L., 1985. P. 54–92.

³¹ См. подробнее: *Репина Л.П.* Указ. раб. С. 168.

³² *Illich I.* Gender. N.Y., 1982.

³³ *Wiesner M.* Women and Gender in Early Modern Europe. Cambridge, 1993. P. 82–104.

³⁴ *Kollmann N.S.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System. 1345–1347. Stanford, 1987.

³⁵ См. об этом подробнее: *Pomata G.* Histoire des femmes et «gender history» (note critique) // *Annales E.S.C.* 1993. V. 48. № 4. P. 1019–1026.

³⁶ Очередной переворот в системе идей был связан с оживлением в 1990-е годы идей «шестидесятников». Казалось, смутные 1970-е и деловые 1980-е годы основательно «проветрили мир». Но нет! Покой, процветание, изобилие товаров породили вновь феномен «онтологического томления»: возникшая контркультура, не приемля тотальность, стала отрицать саму идею «столбовой дороги», по которой якобы шла и идет цивилизация.

³⁷ См. размышления А.О. Чубарьяна о соотношении событийной истории и стремлении к поиску закономерностей (условно названные им ««назад» или «вперед» к Геродоту»): *Чубарьян А.О.* О кризисе российской исторической науки // *Независимая газета.* 1998. № 11. С. 4.

³⁸ В конце 1980-х годов эти методы считались «низшими». См.: *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 138.

³⁹ *Генис А.* Вавилонская башня. Искусство настоящего времени // *Иностранная литература.* 1996. № 9. С. 210–211.

⁴⁰ *Fishman P.* What to Couples Talk About When They are Alone // *Butteroff D., Epstein E.L.* Women's Language and Style. Acron, 1978. P. 64–75.

⁴¹ «Язык в такой же степени использует нас, в какой мы используем его» (*Lakoff R.* Language and Woman's Place. N.Y., 1975. P. 3).

⁴² Основоположница постструктуралистского феминизма Х. Сиксу восклицала: «Почему вы не пишете? Пишите! Письмо для вас, вы для вас; ваши тела – ваши, берите их! Пишите себя...» (*Cixous H.* The Laugh of the Medusa. Women's Voices. N.Y., 1990. P. 486).

⁴³ Первыми о «женскости» этих тем заговорили психологи десятилетие назад. См.: *Belenky N., Clinchy B., Coldberger M., Tarule J.* Women's Way of Knowing. N.Y., 1986.

⁴⁴ Подробнее см.: *Ушакин С.* После модернизма: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность.* 1996. № 5.

⁴⁵ *Фуко М.* Говорящий пол. Сексуальность в системе микрофизики власти // *Современная философия.* Т. 1. Харьков, 1995. С. 157.

⁴⁶ *Бессмертный Ю.Л.* Как писать историю? Французская историография в 1994–1997 гг.: Методологические влияния. М., 1998. С. 4–12.

⁴⁷ *Gilmore D.D.* Manhood in the Making: cultural concepts of masculinity. New Have, 1990; Men, Masculinities

and Social Theory. L., 1990; *Silverman K.* Male Subjectivity at the Margins. L., 1992; *Frash S.* Sexual Difference: Masculinity and Psychoanalysis. L., 1994.

⁴⁸ Histoire des peres et de la paternite. P., 1990; *Frevert Ut.* Männergeschichte oder die Suche nach dem ersten Geschlecht // Was ist Gesellschaftsgeschichte. Positionen, Themen, Analysen. München, 1991. S. 31–43; *Lenzen D.* Vaterschaft: vom Patriarchat zur Alimentation. Reinbeck bei Hamburg, 1991; Männergeschichte – Geschlechtergeschichte: Männlichkeit im Wandel der Moderne. Frankfurt am Main, 1996; *Mosse G.L.* Das Bild des Mannes. Zur Konstruktion der modernen Männlichkeit. Frankfurt am Main, 1997.

⁴⁹ См.: *Ушакин С.А.* Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // Человек. 1997. № 2; *Пушкарёва Н.Л.* Гендерный подход... С. 196.

⁵⁰ «Женщины в эпоху Реформации и Контрреформации были одновременно и освобождены, и закрепощены... С точки зрения закрепления стереотипов, касающихся поведения женщин, возможности выбора модели поведения, они были ограничены. С точки же зрения новых условий, для духовной самореализации в период сильнейших идеологических потрясений они получили свободу, не меньшую, чем мужчины» (Women in Reformation and Counter-Reformation Europe. Public and Private Worlds. Bloomington; Indianapolis, 1989. P. 207). Подробнее о возникновении идеологии феминизма в XVI–XVII вв. см. *Пушкарёва Н.Л.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996. С. 20–21; *Ретина Л.П.* Указ. раб. С. 180–181.

⁵¹ *Schiebinger L.* The Mind Has no Sex? Women in the Origins of Modern Science. Cambridge (Mass), 1989; *Pomata G.* Op. cit. P. 1020.

⁵² *Matthews Grieco S.F.* Ange ou diablesse? P., 1991.

⁵³ Понятие «фреймы» (англ. frame – сооружение, рамка) введено И. Гоффманом. Он именует таким образом разделяемые большинством формы понимания мира.

⁵⁴ Cross-Dressing, Sex and Gender. Cambridge, 1993.

⁵⁵ Эта тематика разрабатывается ныне и российскими учеными. См., напр.: Человек в кругу семьи. Черчки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1996.

Однако именно гендеристы первыми заговорили о существовании дилеммы интерпретации материала: исследование частной жизни – это исследование чьей-то конкретной судьбы, чьей-то искренности и страданий, препарированных в зависимости от поставленных исследователями задач. В истории, «привязывающей» факты к конкретным (иногда очень известным) людям, подобный метод чреват нравственными проблемами, считают гендеристы, но призывают не отказываться от него. См.: *Hartsock N.* The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // Feminism and Methodology. N.Y., 1987. P. 157–181.

⁵⁶ *Harding S.* Is there a Feminist Method? // Feminism and Methodology. Milton, 1987. P. 14.

⁵⁷ Body Guards: The Cultural Politics of Gender Ambiguity. L.; N.Y., 1991; Forbidden History: The State, Society and Regulation of Sexuality in modern Europe. Chicago; London, 1992; *Ryan M., Gordon A.* Body Politics: Disease, Desire, and the Family. Oxford, 1994.

⁵⁸ Здесь может возникнуть любопытная аллюзия, переключка с известной строкой Б. Окуджавы: «Не покупается доброе имя, доброе имя, талант и любовь...». Все эти ценности перечислены П. Бурдьё как элементы «символического капитала». См. подробнее: *Карле Я.* Пьер Бурдьё и воспроизводство классового общества // Современная западная социология. С. 378.

⁵⁹ Histoire des femmes en Occident. V. III. XVIe–XVIIIe siècles. Sous la dir de N.Z. Davis et A. Farge. P., 1991.

⁶⁰ *Laqueur T.* Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge, 1990.

⁶¹ М. Фуко первым обратил внимание на то, что после 1215 г. (Латранский конгрессе) христианин стал «человеком признающимся» – в практику его повседневности была введена исповедь. Эволюция исповедных практик до автобиографических признаний, предназначенных для обнаружения, – особая тема его философских размышлений о «признающей субъективности». См.: *Линдгрэн С.-О.* Мишель Фуко и теория истины // Современная западная социология. С. 345–374.

⁶² *Roper L.* Witchcraft and Fantasy in early Modern Germany // History Workshop J. 1991. № 32. P. 19–43.

⁶³ *Moore B.* Privacy: Studies in Social and Cultural History. N.Y., 1984. P. 3.

⁶⁴ *Davis N.Z.* Women on the Margins. Three Seventeenth-Century Lives. Cambridge (Mass.); London, 1995. P. 4.

N.L. Pushkareva. How to Make Gender Speak?

The article analyzes such questions as the origins and achievements of historical feminology as well as the gender analysis as a method of studying social processes. The author stresses that the main question of gender methodology is finding out sources and resources for the creation of gender. The article retraces interrelation between the gender concept and the historical knowledge in the 1980s and 1990s.